

На правах рукописи

ЕГОРОВА Наталья Викторовна

**РОЛЬ ЭЛИТЫ В ФОРМИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНСЕНСУСА
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Специальность 09.00.11 – социальная философия

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Иркутск 2009

Работа выполнена на кафедре регионоведения и социальной экономики Иркутского государственного университета.

Научный руководитель: доктор философских наук, доцент
Степаненко Алексей Сергеевич

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Федчин Владимир Сергеевич
кандидат философских наук, доцент
Корчевина Лариса Владимировна

Ведущая организация: Байкальский государственный
университет экономики и права,
кафедра философии

Защита состоится «3» декабря 2009 г. в 11 часов на заседании Диссертационного совета Д 212.074.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук в Иркутском государственном университете по адресу: 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 1, ауд. 410.

С диссертацией можно ознакомиться в Региональной научной библиотеке Иркутского государственного университета по адресу: 664003, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 24.

Автореферат разослан «2» ноября 2009 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

И.А. Журавлева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Задачи развития современного российского общества ставят множество вопросов, связанных с направлениями этого развития, его содержанием, и, самое главное – с условиями, обеспечивающими таковое, среди которых проблема социальной интеграции общества занимает, по праву, одно из центральных мест.

Социальная интеграция имеет место тогда, когда в обществе существует достаточно общее и достаточно разделяемое согласие по поводу его основных ценностно-нормативных комплексов и мировоззренческих ориентиров. То есть, о должном уровне социальной солидарности можно вести речь в случае наличия в данном обществе социального консенсуса, предполагающего гармоничное сочетание интересов различных социальных слоёв и групп на основе разделяемого ими общего символического комплекса, отличающегося достаточной разработанностью и ригидностью.

Проблема социального консенсуса стоит в современном российском обществе крайне остро. Общеизвестны нарушенная социокультурная преемственность, утрата единого культурного кода в нашем обществе, активизация крайнего индивидуализма в ущерб общесоциальным интересам и ценностям. Наконец, проблематизирована сама нормативно-ценностная система, на основе которой может и должен формироваться социальный консенсус.

В связи с темой формирования социального консенсуса в нашем обществе, на повестку дня выходит, прежде всего, проблема субъектности этого процесса, вопрос о том, кто должен выступить в качестве инициатора и генератора основных структурообразующих идей и принципов, которые могут быть положены в основу социальной интеграции и консолидации. В этой связи, очевидно, что наиболее четко верифицируемым инициатором и проводником развития общества остается его наиболее организованная, интегрированная, и обладающая действительным проектно-рефлексивным мышлением группа – правящая элита. Очевидно, однако, и то, что в современном российском обществе элита зачастую демонстрирует недостаточное обладание качествами и характеристиками, необходимыми для действительно эффективного социального стратегирования, определения приоритетов и, соответственно, собственно общественного развития. Среди причин, обуславливающих такого рода ситуацию, выделяются и качество человеческого капитала самой элиты, и особенности исторического пути российского общества, и проблемы, связанные с идеологическим и духовным дефицитом, переживаемым в настоящее время отечественным социумом.

Играют здесь свою роль и особенности социального контракта в современном российском обществе. Призванный изначально гармонизировать общественные отношения, сделать их более ответственными и равноправными, социальный контракт в российском обществе приобретает характер корпоративных договоренностей между, прежде всего, сегментами самой правящей группы. Инициативы высшей

государственной власти по созданию «нового социального контракта» ориентированы преимущественно на группы, обладающие выраженной субъектностью в обществе и достаточным капиталом различных видов – социальным, символическим и материальным. То есть, элита, фактически, договаривается «сама с собой», что, разумеется, не является чем-то исключительным, но и не должно выходить за рамки допустимого. Наряду с этим, вопрос о том – что же предлагается остальным социальным группам и обществу в целом – остается по-прежнему открытым. В этой связи чрезвычайно актуальной является задача исследования проблем формулировки, согласования и внедрения основных принципов нового социального консенсуса в современном российском обществе, состава его субъектов, приоритетных интересов им реализуемых, и особой роли института элиты в этом процессе.

Степень научной разработанности проблемы. Собственно институт элиты является достаточно традиционным объектом внимания социальной науки. Весь комплекс наработанных в настоящее время социальной философией подходов к исследованию феномена элит подразделяется на два основных блока: 1) подходы идеалистического характера. Здесь должны быть упомянуты, прежде всего, такие исследователи, как В. Парето, рассматривавший в качестве элитарных людей или произвольные социальные группы, отличающиеся высшим индексом в сфере их деятельности, Т. Карлейль, относивший к элите личностей, обладающих «боговдохновенностью» и харизматичностью, А. Тойнби, для которого представителями элиты являлись люди, одаренные особыми творческими способностями, Х. Ортега-и-Гассет, считавший, что к элите относятся личности и группы, обладающие моральным превосходством и наивысшим чувством ответственности, С. Келлер, для которой главный признак элитности - наибольшая важность исполняемых социальных функций, и др.;

2) подходы рационалистического характера. В рамках этого направления феномен элиты истолковывается преимущественно, в качестве группы, обладающей действительной властью и действительными возможностями воздействовать на общественные процессы макроуровня в социуме. Здесь должны быть упомянуты такие, прежде всего, авторы, как Г. Моска, А. Этциони, М.Р. Дай, Дж. Бёрнхейм, Р. Патнэм. В рамках этого же направления можно особо выделить критический подход, теории которого внесли, на взгляд диссертанта, наиболее существенный вклад в объективное исследование роли и значения элиты вообще, и в современном обществе – в особенности. Это, прежде всего, такие исследователи, как Ч.Р. Миллс, Ф. Хантер, М. Шварц, Р. Даль, Р. Милибэнд, Н. Пулантас. Среди современных представителей «рационалистического» подхода к исследованию элиты необходимо назвать представителей палеоконсерватизма С. Френсиса и П. Готфрида, и достаточно близкого к ним К. Лэша, критикующих «менеджерское государство», находящееся, с их точки зрения, в руках профессиональных элит, лишенных каких бы то ни было социальных и гражданских ценностей.

В отечественной науке генезис российской правящей элиты, через анализ её структуры, соотношения факторов общественного развития и способов институционализации исследуется такими учеными, как В.А. Ачкасов – с точки зрения социальной эффективности правящей элиты, Г.К. Ашин – с позиций критической социальной теории, О.В. Гаман-Голутвина – с точки зрения проблемы субъектности общественного развития, В.П. Мохов – в ракурсе роли элиты в индустриальном обществе, С.П. Перегудов и Н.Ю. Лапина – через анализ места и роли элиты в социальной стратификации, О.В. Крыштановская – в плане качественного изменения состава элиты, А.В. Дука – с точки зрения особенностей формирования властных отношений в российском обществе, И.М. Клямкин – в контексте проблемы патрон-клиентельных отношений в среде элиты, Б.В. Дубин, и А.В. Шубин в ракурсе исторической преемственности системы властных отношений, и др.

Феномен общественного консенсуса как установление и сохранение социального порядка в рамках различных обществ или социальных групп также является объектом постоянного и достаточно пристального внимания в социальной философии и социологии. Связь между проблематикой коллективной жизни людей и вопросом о консенсусе так или иначе фиксировали едва ли не все социальные мыслители, принимавшие идею общественного договора, начиная с Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо, включая О. Конта. Одним из первых подходов к действительно социальному анализу консенсуса оказалась гегелевская постановка вопроса о механизме обеспечения взаимного «признания» людьми друг друга. В свою очередь Э. Дюркгейм рассматривал консенсус как рационально осознанную солидарность.

М. Вебер воспринимал консенсус как неотъемлемую характеристику любого человеческого общества, коль скоро оно существует и не распадается, и это видение корреспондируется с подходами Ч. Кули, Дж. Г. Мида, и Г. Блумера, согласно которым символическое взаимодействие и является собственно процессом установления определенного порядка в обществе. В рамках макросоциальной парадигмы Т. Парсонс и Э. Шилз объясняли социальный порядок на основании наличия общих «высших ценностей», которые интернализируются индивидом в ходе социализации. В рамках неомарксистской социальной философии консенсус обозначен Ю. Хабермасом в виде категории «неисказенного дискурса», в феноменологической социологии А. Шютца он появляется под именем «интерсубъективности».

В российской социальной философии проблема социального консенсуса поднимается, прежде всего, в рамках социокультурного направления, представленного А.С. Ахиезером, Н.И. Лапиным и Г.Г. Дилигенским, анализирующих, преимущественно, базовые ценности социальных групп на предмет их интегративного потенциала. В свою очередь, А.А. Аузан рассматривает консенсус в контексте проблематики исторической институциональной преемственности системы властных отношений в России, В.А. Ачкасов, И.М. Клямкин, Л.М. Тимофеев

анализируют консенсус с точки зрения консолидации сегментов самой власти, В.Г. Федотова и А.С. Панарин делают акцент на субъектах ответственности за социальную интеграцию. В рамках социологии тема консенсуса поднимается, прежде всего, в связи с проблемой социального партнерства и особенностями общественного договора в сегодняшней России. В этом направлении работают В.Т. Кривошеев, М.Ф. Черныш, Ю.Г. Волков, А.И. Волков, Л.Е. Бляхер, А.Ю. Зудин, В.В. Лапкин, В.И. Пантин, Р.В. Рывкина, В.Н. Лексин, Н. Генов, и др.

Наряду с указанными работами, отличающимися высокой научной ценностью, следует отметить явно недостаточное количество социально-философских трудов, в которых тема социального консенсуса рассматривалась бы в контексте конкретной проблематики формирования нормативно-ценностной системы с должным вниманием к основному субъекту этих процессов – правящей в обществе элите.

Объектом исследования является институт элиты в современном российском обществе как субъект формирования социального консенсуса.

Предметом исследования выступают особенности и механизмы участия элиты в процессе изменения, формирования и рутинизации социального консенсуса в современном российском обществе.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является анализ характера, логики, и степени воздействия правящей элиты на формирование и реализацию основных принципов социального консенсуса в современном российском обществе.

Данная цель определила постановку и решение следующих задач:

- критический анализ и операционализация ключевых категорий объективации элиты в социальном анализе;
- анализ института элиты в диалектике властных отношений;
- изучение правящей элиты в контексте системы групп интересов в российском обществе;
- критический анализ консенсуса как социального феномена;
- исследование проблемы субъектности формирования консенсуса и роли элиты в этом процессе;
- анализ специфики и базовых оснований социального консенсуса в современном российском обществе с точки зрения элиты как основного субъекта институционализации данных принципов;
- исследование перспектив и возможностей гармонизации сформированного в российском обществе социального консенсуса.

Гипотеза исследования. Элита является основным субъектом формирования социального консенсуса и определяет, соответственно, его специфику в социуме. В идеале консенсус представляет собой, прежде всего, согласие по поводу основных нормативно-ценностных принципов социального целого, однако в современном российском обществе данная составляющая консенсуса редуцирована, и основу его составляют преимущественно практики социального контракта, который заключается

между сегментами самой же правящей элиты, и социального подкупа, ориентированного на остальную часть общества.

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы как зарубежных, так и отечественных ученых, в которых раскрываются основные категориальные принципы исследования феномена элиты вообще, и в приложении к проблематике социального консенсуса, в особенности.

Подходы Г.В.Ф. Гегеля, К. Маркса, и И. Израэля в части феномена отчуждения, как характеристики социального бытия, дали нам возможность рассмотрения элиты с точки зрения амбивалентности её существования одновременно в категориях участия, которое она, так или иначе, проявляет по отношению к обществу, так и отчуждения, столь же неизбежно возникающего в системе властных общественных отношений.

В свою очередь, критическая и рационалистическая концептуализации феномена элиты, данные в работах Ч.Р. Миллса, Г. Моски, А. Этциони, Дж. Бёрнхейма и других, позволила нам сформулировать видение элиты, как социальной группы, обладающей признаками как имманентной социальной ответственности, так и сознательного социального эгоизма, результирующегося в феномене реификации, осуществляемой правящей элитой в отношении собственного общества.

Интерпретативный (Дж. Г. Мид, А. Шютц) и структурно-функциональный (Т. Парсонс) подходы в части рассмотрения социального консенсуса как порядка, объединяющего в себе нормативные и символические характеристики, были использованы нами для обоснования нашего видения консенсуса как одновременно статичного и динамичного феномена, основанного как на прямом принуждении, так и на ценностно-нормативном согласии.

В целом, автор опирался на общенаучную методологию познания, с применением аналитических и междисциплинарных методов.

Научная новизна диссертационного исследования определяется тем, что осуществлен комплексный социально-философский анализ роли и значения элиты в изменении, формировании и рутинизации социального консенсуса как интегративной символической системы.

К положениям новизны в работе относится следующее:

- раскрыта дуальность объективации элиты в социальном анализе, что дало возможность исследования данного феномена в дихотомии свойственных ему оппозиций;
- продемонстрирована специфичная роль элиты во властных отношениях общества относительно дихотомии «участия» и «отчуждения», на основании чего были установлены социальная значимость и социальная субъектность феномена элиты;
- выявлено положение элиты в системе групп интересов общества, на основании чего можно делать выводы относительно онтологических целей и имманентных задач правящей группы;

- исследована роль элиты как субъекта социального консенсуса с точки зрения проблемы институциональной легитимизации, что позволяет судить о степени исполнения этой функции российской элитой;
- осуществлена типологизация и классификация основных компонентов социального консенсуса вообще и применительно к современному российскому обществу – в особенности, на основании чего можно делать заключения относительно состояния и перспектив социальной консолидации отечественного социума.

Положения, выносимые на защиту:

1. Объективация элиты в социальном анализе демонстрирует как теоретическую, так и праксеологическую дуальность феномена, что выражается: в амбивалентности идеалистического и рационалистического аналитических подходов к исследованию элиты; в двойственности состава элиты как единого правящего слоя и множественных групп; дихотомии участия элиты в обществе и её отчуждения от него; реализации интересов общества в процессе преследования собственных корпоративных интересов.

2. Взаимоотношения правящей элиты и общества испытывают также воздействие со стороны процесса реификации, выступающей частным проявлением общего процесса отчуждения, обусловленной типологическими характеристиками современного общества и процессом коммодификации.

3. Консенсус является одновременно статичным и динамичным феноменом. Источниками и инициаторами его изменения, формирования и рутинизации выступают конкурирующие элитные группы, являющиеся носителями альтернативных символических комплексов и убежденных в том, что существующий порядок вещей не отвечает задачам развития общества. Данное обстоятельство со всей очевидностью демонстрирует взаимную связь и обусловленность феноменов консенсуса и институциональной легитимности.

4. Выделяются всего три базовых формы социального консенсуса, это: 1) согласие по поводу основного ценностно-нормативного (символического) каркаса общества; 2) общественный договор, или социальный контракт (полностью рефлексивная форма консенсуса), и 3) социальный подкуп (частично рефлексивная форма). Данная типология исчерпывает собой вариации видов договорных отношений между обществом и властью.

5. Количество участников договорного процесса и итоговых бенефициариев социального контракта неограниченно, и определяется составом реально значимых в данном обществе групп. В отечественной практике общественный договор заключается, фактически, только между правящими группами социума.

6. В современном российском обществе символическая природа общественного консенсуса максимально редуцирована за счет его утилитарной природы, что представляет собой институциональную ловушку коммодификации социального консенсуса, выход из которой возможен за

счет расширения социальных договоренностей с правящей элитой, и формирования нормативно-ценностного каркаса общества.

Теоретическая и практическая значимость работы состоит в том, что полученные данные позволяют судить о содержательных и динамических аспектах интегративных и дезинтегративных процессов в обществе, в особенности, в части субъектности формирования социального консенсуса и особой роли элиты в этом процессе. Результаты диссертационного исследования позволяют анализировать тенденции указанных процессов применительно к российскому обществу, и, соответственно, прогнозировать развитие социальной интеграции и возможности формирования социальной солидарности в отечественном социуме. Сформулированные теоретические положения и выводы развивают и дополняют ряд разделов социальной философии в отношении власти как фактора исторической эволюции, проблемы социальной солидарности, источников и механизмов социокультурного изменения, перспектив процесса общественного воспроизводства в российском социуме.

Выводы и рекомендации диссертационного исследования могут быть использованы органами власти различных уровней при информационно-аналитическом сопровождении управленческих решений в сфере социальной политики, направленной на дальнейшую консолидацию российского общества, при обосновании инициатив в области социальной интеграции и общественно-политических отношений. Кроме того, материалы исследования могут быть использованы в учебном процессе в вузах при разработке курсов и чтении лекций по конфликтологии, социологии политических процессов, политологии.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации изложены на межрегиональной научно-практической конференции «Российский социум в перспективах и противоречиях развития» (Иркутск, 2008 г.), второй региональной научно-практической конференции «Социокультурные процессы Сибири» (Иркутск, 2008 г.), научно-практической конференции аспирантов и соискателей «Studium» (Иркутск, 2008, 2009 гг.), научно-практической конференции «Философия, социология, право в системе обеспечения социальной безопасности региона: классические, неклассические подходы» (Красноярск, 2008 г.), Всероссийской научно-практической конференции «Традиция. Духовность. Правопорядок» (Тюмень, 2009 г.).

По теме диссертационного исследования опубликовано 7 печатных работ общим объемом 2,7 п.л.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения, библиографического списка, содержащего 158 названий. Объём основной части работы составляет 148 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, характеризуется степень её научной разработанности, определяются объект и предмет, цель и задачи исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, формулируются основные положения, выносимые на защиту.

В **Главе I «Элита в социуме и в социальном анализе»** решаются задачи теоретико-методологического характера, осуществляется критический анализ и операционализация ключевых категорий объективации элиты в социальном анализе, исследуется специфика института элиты в диалектике властных отношений; правящая элита рассматривается в контексте системы групп интересов в российском обществе.

В **первом параграфе «Феномен элиты: направления категоризации в социальной мысли»** классифицируются и характеризуются основные подходы к феномену элиты, созданные на настоящий момент в социальной философии, определяются собственные теоретико-методологические посылки автора.

Диссертант отмечает, что весь комплекс наработанных в настоящее время социальной наукой подходов к исследованию феномена элит довольно отчетливо подразделяется на два основных блока: 1) подходы идеалистического характера, в которых проблематика структуры, формирования и функций элиты заметно редуцирована в сравнении с рассмотрением феномена как такового, причем зачастую – в гипостазированном виде, со значительной долей психологизации и романтизации элиты; 2) подходы рационалистического характера, в которых уделяется приоритетное внимание специфике и механизмам элитообразования, её составу и особенностям функционирования, за счет известного редуцирования роли и значения элиты как структурообразующего фактора социума и её наиболее креативного элемента.

Первый указанный теоретико-методологический ракурс обладает, с точки зрения диссертанта, не меньшей эвристичностью, нежели второй, несмотря на его кажущуюся умозрительность. Собственно говоря, распространение понятия «элита» на людей или произвольные социальные группы, отличающиеся высшим индексом в сфере их деятельности (В. Парето), «боговдохновенностью» и харизматичностью (Т. Карлейль), особыми творческими способностями (А. Тойнби), моральным превосходством и наивысшим чувством ответственности (Х. Ортега-и-Гассет), наибольшей важностью исполняемых социальных функций (С. Келлер) выглядит справедливым и, в общем, допустимым. Диссертант, вместе с тем, отдает предпочтение в своей работе более узкому и прагматичному толкованию феномена элиты, как группы, обладающей действительной властью и действительными возможностями воздействовать на общественные процессы макроуровня в «доступном им жизненном мире», то есть, следует до известной степени, подходу, заданному в рамках второго

– рационалистического блока, в работах, прежде всего, Г. Моски, А. Этциони, и М.Р. Дая.

В рамках рационалистического блока диссертант особо отмечает критический подход, который является неотъемлемой и «наиболее радикальной» частью данного теоретико-методологического ракурса в исследованиях феномена элиты. Теоретики данного направления социального анализа (Ч.Р. Миллс, Ф. Хантер, М. Шварц, Р. Даль, Р. Милибэнд, Н. Пулантцас) внесли, по мнению соискателя, наиболее существенный вклад в объективное исследование роли и значения элиты вообще, и в современном обществе – в особенности.

Достаточно быстро в критических исследованиях элиты оформились два основных теоретико-методологических подхода, первый из которых восходит своими истоками к работам Миллса, и постулирует некое структурное единство правящего слоя, его корпоративную интегрированность, подкрепляемую постоянной взаимной ротацией представителей элитных групп (из политической в финансово-промышленную, из последней – в военную, из военной в политическую, и т.д.). Второй подход основывается на убеждении в том, что элита – множественна, её интересы постоянно согласовываются и единства правящий слой вовсе не демонстрирует. Теоретическим предтечей этого подхода, получившего название «плюралистического», стал Р. Даль, который в ходе своего знаменитого исследования в Нью-Хейвене обнаружил, что отдельные индивиды могут играть ключевую роль при принятии различных решений, а городом правит вовсе не конкретная «правлящая элита», а несколько элит. После этого понятие элиты приобрело множественное число – как взаимодействующие группы, столкнувшиеся по поводу определенных интересов, вступающих по их же поводу в своего рода сделки, и воздействующих тем или иным образом на лиц, принимающих решения. Противостояние двух подходов отразилось в определенной степени в известной полемике Милибэнда-Пулантцаса, имевшей место в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого (XX) века.

Таким образом, объективация (как выделение объекта и его фиксация в исследовательских целях) и категоризация элиты в социальном анализе демонстрирует как теоретическую, так и праксеологическую дуальность феномена. Во-первых, институт элиты исследуется в социальной науке в рамках двух основных аналитических ракурсов – идеалистическом и рационалистическом. Во-вторых, дуальность обнаруживает себя и в подходах к составу элиты, где до сих пор не преодолено противоречие между воззрениями на элиту, как на единый господствующий класс и «плюралистическими» подходами. В-третьих, по убеждению диссертанта, правящая элита неизбежно включает в себя как «собственников власти», так и «собственников собственности», находящихся в процессе перманентного взаимопроникновения или постоянной динамичной транспарентности. Всякое разделение экономических и политических элит – в высшей степени условно, – подчеркивает диссертант, – поскольку они со всей неизбежностью

выступают в качестве синтетического субъекта социальной власти, то есть, той, в которой заключены возможности действий, имеющих социетальный эффект, и конденсирующей в себе симбиоз всех вероятных видов и подвидов властных отношений в обществе. Наконец, в-четвертых, критическое восприятие данного института, на взгляд соискателя, эвристически обещающе и оправдано, однако, не отменяет, тем не менее, очевидного факта его наибольшей социальной ответственности и исключительно важной роли в обществе, в особенности – в периоды глубоких социальных трансформаций.

Во втором параграфе «Институт элиты в диалектике властных отношений» анализируется специфичная роль элиты во властных отношениях общества относительно онтологической дихотомии феноменов «участия» и «отчуждения».

Диссертант обращает внимание на тот факт, что в социальном анализе имела место известная эволюция представлений об элите и системе её взаимоотношений с обществом. Направленность эволюции этой системы, обусловлена, прежде всего, характером экономических отношений власти и общества, характером культурных отношений и характером политических отношений. Одновременно все эти типы взаимоотношений власти и общества демонстрируют, на взгляд диссертанта, обусловленность со стороны такой базовой характеристики, как отчуждение, которое появляется уже в момент собственно дифференциации управляющих и управляемых. Другими словами, степень социального отчуждения власти и общества является определяющей по отношению к их экономическим, культурным и политическим отношениям.

Таким образом, отчуждение, – доказывает диссертант, – очевидно во взаимоотношениях власти и социума, с другой стороны – ни одна власть не объявляет себя отчужденной от общества, более того, она всегда декларирует, так или иначе, свое преимущественное право управлять данным обществом именно на основе своей «наибольшей адекватности» такой задаче, знания о том, как должно быть «лучше всего», своей полной «компетентности». Иными словами, власть всегда сопровождает собственное осуществление некой «декларацией участия», в которой, с одной стороны, обосновывает свои претензии на господство, и с другой – посылает обществу «сигнал» о степени, в которой последнее небезразлично данной власти.

Декларация участия существует, - доказывает диссертант, - в двух основных формах: 1) фиксированные нормы государственного и общественного устройства; и 2) повседневный монологизированный дискурс власти. К первому относятся государственная идеология и конституция, или то, что формально закреплено, ко второму – то, что данная власть «действительно думает» о своем обществе и то, как она к нему «на самом деле относится». Повседневный дискурс власти включает в себя перманентный законотворческий процесс, общегосударственные кампании, реформирование тех или иных сторон общественной жизни, публичные выступления официальных представителей власти различного уровня, и

периодические «послания» главы государства, коль скоро таковые подразумеваются сложившейся социально-политической практикой. Там, где таковые не подразумеваются, их роль выполняют выступления главы по различным заслуживающим широкого внимания поводам и аспектам общественной жизни. В этом же ряду, по сути, стоят и программы различных политических партий, сталкивающихся на политическом поле социума, где основным средством борьбы выступают конкурирующие декларации, так сказать, перспективного участия.

Таким образом, декларацию участия можно считать своего рода протоформой общественного договора, или его начальной, инициативной фазой. «Власть идет сверху, легитимность возникает снизу», говорил М. Вебер. Несколько перефразируя классика социологии, можно сказать, что в самом начале «сверху» идет не собственно власть, а исходящая от неё декларация участия, принимаемая (то есть, легитимируемая) «снизу». По мнению диссертанта, это принятие носит, как правило, пассивный характер – в относительно стабильные периоды общественного развития отношение легитимации и декларации участия выглядит как своего рода «договор по умолчанию» – власть оглашает декларацию – общество её благосклонно (или покорно) принимает.

Вместе с тем очевидно, что власть предрержащие ищут общественной поддержки, желают её и предпринимают определенные действия для её обретения, что связано как с вполне прагматичной целью приобретения большего политического «веса», – что, в свою очередь, призвано увеличить твои жизненные шансы в качестве фигуры политического поля, – так и с иррациональной стороной стремления к власти. Другими словами, задача власти – убедить общество в своей правоте, в своем праве быть властью. Таким образом, формулирует диссертант, элита (как правило, и в норме) равнодушна к обществу, которым она управляет, ей «есть дело» до этого общества, её заботит характер социального дискурса, имеющего здесь место, и декларация участия является своеобразным выражением этого «равнодушия», направленным на достижение социального консенсуса. По убеждению автора, декларация участия в своей повседневной дискурсивной форме корреспондируется всем слоям и группам общества без исключения, в ходе чего элитой предлагается, если использовать выражение Х. Ортеги-и-Гассета, «решение о выборе совместного жизненного пути».

Тем самым, в диалектике властных отношений, – по мнению диссертанта, – институт элиты также демонстрирует свою амбивалентность, отчетливо проявляющуюся при рассмотрении его в контексте таких имманентных признаков и категорий его существования, как «участие» и «отчуждение». Элита, являясь неотъемлемой частью общества, одновременно представляет собой группу, наиболее четко и зримо дистанцированную от данного общества, возвышающуюся над ним. Будучи вынужденной использовать в своем дискурсе риторику «участия» по отношению к обществу, которым она управляет, элита одновременно характеризуется значительной степенью отчуждения от этого общества.

С учетом различных типов социально-политических систем, соискателем выделяются три основных, редуцированных варианта отчуждения в системе взаимоотношений правящей группы и общества, представляющих собой отчуждение в условиях современного общества потребления, отчуждение в условиях авторитарного режима и отчуждение в условиях маргинального общества, результирующихся, соответственно, в стандартной декларации участия, в декларации тотального участия и в декларации тотального неучастия. Данные категории, в свою очередь, отражают ту или степень уважения данной правящей группы по отношению к данному народу, уважения элиты по отношению к обществу, частью которого она является.

По мнению автора, взаимоотношения правящей элиты и общества испытывают также воздействие со стороны процесса реификации, выступающей частным проявлением общего процесса отчуждения, обусловленной типологическими характеристиками современного общества и процессом коммодификации, и представляющей собой превращение личности, группы, общества в квази-предметы, подверженные преимущественно внешнему воздействию.

Таким образом, институт элиты вступает в особые «реификационные» отношения с обществом в целом, при которых со стороны правящей группы общество воспринимается в качестве объекта манипуляций и различного рода операций, то есть, рассматривается как операциональный объект, и, тем самым, реифицируется собственной элитой.

В третьем параграфе «Правящая элита как специфичная группа интересов» исследуется положение элиты в системе групп интересов общества на предмет её социальных и символических диспозиций.

Показательно, что весь комплекс взглядов, сложившихся на настоящий момент как в зарубежном, так и в отечественном обществоведении относительно данной проблематики, характеризуется достаточно консолидированным признанием, во-первых, противоречивости и неоднозначности функционирования феномена групп интересов в сегодняшнем обществе, и, во-вторых, преимущественным вниманием к той части спектра групп интересов, что действует в контексте экономического пространства общества, то есть – с преимущественным вниманием к тому сегменту социальной стратификации, который обозначен в работе как собственники собственности. Вместе с тем, по мнению диссертанта, несмотря на всю важность экономического фактора, группы интересов представляют собой феномен более сложного уровня и могут быть обязаны своим возникновением не только мотивациям материального характера, но и мотивациям ценностного порядка, представлениям о должном и связанными с ними устремлениями. Более того, в современном обществе (в классическом социологическом понимании Ф. Тённиса, то есть, как *Gesellschaft* – общество, основанное на индивидуализме и формальности общественных связей), всё отчетливее формулируется потребность в компенсаторных формах социальности, органические элементы которой оказались утрачены в

ходе модернизации. Именно с этим, на взгляд соискателя, связано возникновение таких форм гражданских ассоциаций, как соседство, проблемно-тематические объединения и союзы. Другими словами, группы интересов в гражданском обществе отражают своим составом тот же плюрализм, который свойственен самому этому обществу.

Характер воздействия правящей группы, его направленность, его «дальние цели», особенности издержек, с ним связанных, обусловлены не исключительно политическими приоритетами, а испытывают на себе определяющее влияние со стороны социальной власти, в которой заключены возможности действий, имеющих ближние и дальние социетальные эффекты. Эта власть, как показывает диссертант, не безлична, она имеет своих конкретных носителей, интересы которых зачастую играют решающее значение при принятии ответственных решений на самом высоком уровне. Таким образом, мы вправе, на взгляд соискателя, рассматривать правящую элиту, состоящую из собственников власти и собственников собственности, в качестве специфичной группы интересов, характеризующейся наибольшей организованностью, сплоченностью и рефлексивностью по сравнению с другими группами общества.

Особенностью современной российской ситуации является то обстоятельство, что группы интересов, вступающие между собой в диалоговые отношения, как правило, являются представителями тех же социальных сегментов, которые и конституируют правящую элиту. К процессу согласования устремлений и интересов, означаемому, по сути, процесс определения принципов и «долей» распределения основных экономических ресурсов общества, допускаются, тем самым, далеко не все участники общественных отношений. Субъекты этих договоренностей представляют собой практически исключительно группы собственников собственности и собственников власти, обладающих материальным и символическим капиталом, и являющихся, соответственно, носителями атрибутов социальной престижности.

Несмотря на очевидную порочность данной конфигурации участников социальных согласований, третья часть общества, в лице депривированных групп не выступает носителем ценностей плюралистического социального консенсуса. Как престижные участники договоренностей, так и не престижные группы, лишенные такой возможности, в качестве наиболее адекватной и желательной рассматривают возможность согласования своих интересов и устремлений с правящей элитой напрямую. Причиной такого положения вещей могут выступать как известные российские социокультурные традиции, при которых верховный правитель чаще всего оставался внекритичной и практически сакральной фигурой, в резком противопоставлении другим влиятельным акторам политического поля, так и особенности современной социально-экономической и социально-политической ситуации в нашем обществе, характеризующейся такими обстоятельствами, в которых элементарный здравый смысл подсказывает как организованным группам, так и простому гражданину, что первым и

последним арбитром и адресатом их устремлений и апелляций может выступать исключительно правящая в обществе группа.

Основной целью и средоточием интересов правящей элиты продолжает выступать сама власть – как власть-собственность. Цели же и интересы общества остаются не сформулированными и не артикулированными, словом – не выраженными в необходимой форме, включая организационно-правовую. Вместе с тем, – как показывает диссертант, – постоянно преследуя свои собственные, узкогрупповые и корыстные интересы, элита одновременно, так или иначе, реализует и интересы социетального уровня – в чем, опять же, проявляется отмеченная соискателем амбивалентность данного института.

В Главе II «Элита в системе контрагентов социального консенсуса» осуществляется критический анализ консенсуса как социального феномена и его отражение в социальном теоретизировании, исследуется проблема субъектности формирования консенсуса и роли элиты в этом процессе, анализируются специфика и основания социального консенсуса в современном российском обществе.

В первом параграфе «Консенсус как социальный феномен: основные подходы» диссертантом исследуются основные направления концептуализации феномена социального консенсуса, сложившиеся в социальной философии.

Связь между проблематикой коллективной жизни людей и вопросом о консенсусе в полной мере сознавал уже О. Конт, употреблявший термин «консенсус» для обозначения согласия в самом широком смысле слова. Вместе с тем, Конт вовсе не был здесь первооткрывателем, так или иначе, эту связь фиксировали едва ли не все социальные мыслители, принимавшие идею общественного договора, начиная с Т. Гоббса, Дж. Локка и Ж.-Ж. Руссо. Наряду с этим, вплоть до начала XIX века собственно социальные детерминанты консенсуса не были предметом специального анализа, так как в поле зрения социальных мыслителей находились скорее когнитивные и психологические факторы формирования данного феномена.

Одним из первых подходов к действительно социальному анализу консенсуса оказалась гегелевская постановка вопроса о механизме обеспечения взаимного «признания» людьми друг друга, что, согласно Г.В.Ф. Гегелю, и является наиболее общим условием возможности общества как такового, в естественной корреляции с государственным началом, разумеется. Основываясь, казалось бы, на индивидуалистических посылах, то есть, признавая, что «индивид перед этой властью рефлектируется в себя самого; она для него – угнетающая сущность и дурное, поскольку неравная индивидуальности», философ, тем не менее, обосновывал необходимость государственной власти, исходя, прежде всего, из того, что государственное устройство, является, по сути, эмпирической проекцией, символом предполагаемой и желаемой космической упорядоченности и целостности, относимой к общественному устройству, от которого ожидается тот же «консонант». Этот подход, учитывающий возможность принудительного

консенсуса, решительным образом противостоял подходу французских просветителей, воспринятому затем французскими социологами – прежде всего, Э. Дюркгеймом, – согласно которому консенсус – есть рационально осознанная солидарность, последняя же представляет собой органичное свойство «нормальной» социальной жизни людей. Договорные отношения, согласно Дюркгейму, неизбежно развиваются вместе с разделением труда.

В противоположность данному видению М. Вебер создаёт нечто вроде «конфликтной модели» консенсуса. Немецкий социолог стремится понять консенсус не как атрибут «нормального» состояния общества, но как неотъемлемую характеристику любого человеческого общества, коль скоро оно существует и не распадается, и, следовательно, обладает неким элементарным «порядком» его элементов. Вебер решительно противопоставляет консенсус солидарности, будучи убежденным, что поведение, основанное на консенсусе, вовсе не обязательно предполагает её в качестве условия, поскольку не исключает также и борьбу интересов, конфликт разнонаправленных тенденций и т.д. Консенсус у Вебера – это объективно существующая вероятность того, что несмотря на отсутствие предварительной договоренности («общественного договора» или иных интеллектуальных способов выяснения взаимных отношений), участники той или иной формы взаимодействий отнесутся к ожиданиям друг друга как значимым по своему смыслу для их поведения.

Это видение корреспондируется с подходами Ч. Кули, Дж. Г. Мида, и Г. Блумера, согласно которым символическое взаимодействие и является собственно процессом установления определенного порядка в обществе. В рамках макросоциальной парадигмы Т. Парсонс и Э. Шилз объясняли социальный порядок на основании наличия общих «высших ценностей», которые интернализируются индивидом в ходе социализации. В рамках неомарксистской социальной философии консенсус обозначен Ю. Хабермасом в виде категории «неисказенного дискурса», в феноменологической социологии А. Шютца он появляется под именем «интерсубъективности»

В общем, все аналитические походы к консенсусу исходят из посылки о том, что его природа основана или на физическом принуждении (в меньшей степени), или на определенном согласии в отношении ценностей и норм данного общества (в большей степени), потому что на практике имеет место, разумеется, и первое и второе. Вместе с тем, очевидное предпочтение, отдаваемое различными исследователями нормативно-ценностному содержанию социального согласования и социальной интеграции, позволяет сделать вывод о преимущественно символической природе консенсуса, то есть, его доминирующей детерминации элементами когнитивного и социально-коммуникативного характера.

Тем самым, консенсусом выступает не обязательно рефлексивное принятие существующего в данном обществе символического комплекса, включающего нормы, ценности, способы восприятия себя, других и окружающего мира, создающее общность понимания и подобие реакций

критически значимого большинства членов данного общества, и, одновременно, не исключающее различного рода санкции, в том числе физические, за отказ от этого принятия.

Консенсус, – как показывает диссертант, – является одновременно статичным и динамичным феноменом, поскольку может зачастую быть обнаружен, – как «внутренняя структура» в этнометодологии, – только при своём нарушении, каковыми выступают всякие прерывания «нормального» развития общества – революции, мятежи и другие радикальные социальные трансформации. Источниками и инициаторами последних выступают конкурирующие элитные группы, являющиеся носителями альтернативных символических комплексов и убежденных в том, что существующий порядок вещей не отвечает задачам развития данного общества, а следовательно – уже не обладает признаками консенсуса. Данное обстоятельство со всей очевидностью демонстрирует взаимную связь и обусловленность феноменов консенсуса и институциональной легитимности. Вместе с тем, очевидно, по мнению диссертанта, и то, что существующий консенсус ставится под сомнение и трансформируется конкурирующей элитой только для того, чтобы утвердился консенсус новый.

Во втором параграфе «Формирование консенсуса как институциональная легитимизация: проблема субъектности» исследуется роль элиты как субъекта социального консенсуса с точки зрения проблемы институциональной легитимизации.

Осознание трансформируемости социального консенсуса и признание того факта, что всякий консенсус есть в самом корне своём результат «инициативы» определенной группы, обладающей ресурсами власти – то есть правящей элиты, выводит, – доказывает диссертант, – на необходимость анализа собственно механизмов возникновения социального консенсуса и степени субъектности в его формировании различных, как правящих, так и не правящих в данном обществе групп.

Учитывая то обстоятельство, что консенсус выступает, преимущественно, феноменом символического порядка, в работе осуществляется анализ механизмов его формирования или изменения на основании концепций символического, акцентирующих внимание на его трансформационном аспекте. То есть, процесс формирования или изменения социального консенсуса с необходимостью рассматривается в контексте формирования или изменения общей символической системы, с которой он находится в прямых референтных отношениях. То, что относится к логике и механизмам трансформации консенсуса как символического феномена, почти в той же мере, как показывает диссертант, можно отнести к логике и механизмам его поддержания, с той лишь разницей, что поддержание консенсуса является более рутинизированным, если угодно, «обыденным» модусом его формирования, в отличие от взрывных или даже brutальных форм его изменения.

Поддержание правящей элитой собственной легитимности является главной целью рутинизации общественного консенсуса, сохраняемого, по

возможности, в наиболее первоначальном виде. То есть, основным субъектом поддержания консенсуса выступает именно правящая группа, оглашающая и периодически корректирующая определенную декларацию участия, как основную формулировку необходимости своего сохранения в качестве правящей.

Наряду с этим, самым базовым условием поддержания нормативно-ценностного консенсуса выступает, очевидно, наличие такового; или другими словами, наличие стройного мировоззренческого комплекса, разделяемого, по крайней мере, релевантным большинством граждан данного общества, делает необходимым и возможным его сохранение. Данный тезис не является ни парадоксом, ни трюизмом, учитывая, что состояние социетального кризиса, как правило, проблематизирует, в первую очередь, именно систему социокультурных ориентиров, которое нарушается в результате достаточно глубокого и серьезного кризиса общественного развития – это именно социальный консенсус, в том смысле, что излагается в работе – как феномен символического порядка, как комплекс ценностей, норм и представлений.

Итак, консенсус, как комплекс значений и символов, включая нормативно-ценностную составляющую, является несущей конструкцией любого общественного организма. От степени его внятности и определенности зависит и степень интеграции общества, а значит – уровень его прочности или «жизненного запаса». С этой точки зрения, ситуация в системе ценностно-нормативных предписаний, символических комплексов современного российского общества характеризуется, на взгляд диссертанта, состоянием глубокого системного кризиса, выраженного, прежде всего, такими явлениями, как фактически состоявшийся разрыв социокультурной преемственности, дискретность поколенческих опытов и практик, утрата единого культурного кода социума, релятивизация и проблематизация метанарративов социальной (культурной, гражданской, этнической, и пр.) идентичности, идеологии, морали, традиций, дисфункциональность институтов, ответственных за социокультурную консолидацию общества. Все эти факторы в комплексе говорят о социокультурной дезинтеграции, принимающей угрожающие размеры. Проблематизация ценностной системы в свою очередь проблематизирует и консенсус в современном российском социуме.

Каким образом такого рода «бессубъектность» консенсуса можно объяснить с точки зрения постулированной субъектностью элиты в рутинизации консенсуса? Это, на первый взгляд, парадоксальное обстоятельство находит своё объяснение с учетом особенностей современной российской элиты вообще.

Во-первых, доказывает диссертант, причиной этому является полная социокультурная прострация отечественной элиты, которая точно таким же образом, как и всё общество, испытывает на себе воздействие патологической деструкции и точно так же, как и всё общество, парализована

в духовном плане ею и порочной релятивизацией как сущего, так и должного.

Во-вторых, «бессубъектность» российской элиты в любой сфере жизни общества и, в особенности, в плане его стратегического развития, уже констатирована в качестве едва ли не диагноза отечественными исследователями.

Наконец, в-третьих, это коммодификация политических отношений и рентоориентированная активность, которой российская элита увлечена сегодня гораздо больше, нежели проблемой создания и поддержания некоего духовного каркаса общества, его нравственной и нормативно-ценностной символической системы, что имеет отложенный социетальный эффект, в то время, как российская элита сориентирована сегодня на эффект краткосрочный – выгоду и прибыль здесь и сейчас.

Возникает, – показывает диссертант, – своего рода парадоксальная ситуация, когда правящая элита продолжает нуждаться в собственной легитимизации, достигаемой через формирование социального консенсуса, однако, с одной стороны, не в состоянии, с другой стороны – не особо желает найти соответствующие, нужные слова и формулировки для этого. Получается, что российская элита находится в «кризисе идентичности», однако особых последствий это пока не влечет.

По мнению некоторых исследователей (Л.Е. Бляхер, Т.Л. Огурцова), проблему легитимности правящая элита современной России решает за счет воссоздания так называемой «презумпции виновности» – своеобразной культурной установки, формируя которую власть создает такую ситуацию в обществе, когда «граждане внутренне согласны с тем, что любое их действие может быть истолковано как преступление, за которым должна последовать санкция. Время и характер этой санкции выбирает власть». Диссертант, в свою очередь, полагает, что власть всё-таки создает в современном российском обществе некий консенсус, однако, его характер и структурные элементы значительно отличаются от классического понимания.

В третьем параграфе «Основания социального консенсуса в современном российском обществе» диссертантом осуществляется анализ специфики и базовых оснований социального консенсуса в современном российском обществе с точки зрения элиты как основного субъекта институционализации данных принципов, исследуются перспективы и возможности гармонизации сформированного в российском обществе социального консенсуса.

Вопрос о формировании консенсуса в обществе по необходимости предполагает аналитический ракурс на основах, на которых строится его композиция. Правящая элита выстраивает свои отношения с обществом, используя, как правило, такой инструмент, как декларация участия – «публикуемый» данной властью синтез претензии на господство и сигнала обществу о степени, в которой последнее небезразлично данной власти, «решение о выборе совместного жизненного пути», к которому обществу предлагается присоединиться.

Власть оглашает стандартную декларацию участия, декларацию тотального участия или декларацию тотального неучастия. В случае, если большая часть общества воспринимает эту декларацию благосклонно, можно считать, что заложены основы консенсуса между правящей элитой и обществом. Однако декларация не должна оставаться пустой словесной формой. Для того чтобы консенсус был закреплен и рутинизирован, а легитимность, соответственно, подтверждена и закреплена, необходимо некое конкретное его наполнение. Именно здесь формирование социального консенсуса приобретает зримые и верифицируемые очертания.

Диссертантом выделяются три базовых формы консенсуса, это: 1) согласие по поводу основного ценностно-нормативного (символического) каркаса общества; 2) общественный договор, или социальный контракт (полностью рефлексивная форма консенсуса), и 3) социальный подкуп (частично рефлексивная форма). «Согласие» является, по убеждению диссертанта, базовой, идеальной формой и, одновременно, главным условием консенсуса в его полностью рефлексивной форме, в виде «общественного договора». Частично рефлексивная форма консенсуса в виде социального подкупа в такой согласии не нуждается, хотя и не исключает таковое.

Договор предполагает максимально рефлексивное участие сторон процесса согласования интересов относительно желаемого в будущем состояния дел, включая развитые аргументационные системы, наборы доводов, апелляцию к ресурсам и авторитетам – в общем, нормальный договорной процесс, в котором каждая из сторон сознательно идет на какие-то уступки, не менее сознательно артикулирует и отстаивает свои интересы. В результате каждая сторона получает то, на что могла претендовать и к чему стремилась, в скорректированных, естественно, интересами противоположной стороны объемах.

Количество участников договорного процесса и, соответственно, итоговых бенефициариев социального контракта, в принципе, неограниченно, и определяется количеством реально значимых в данном обществе групп – консолидированных общностей, обладающих как материальным, так и (прежде всего) символическим капиталом. Тем самым, декларация участия адресуется всем слоям и группам общества, однако собственно «договор», как её естественное продолжение, результирующая «процесса торга» фаза заключается только между правящими группами социума, то есть, фактически – внутри элиты, для которой этот контракт является закреплением тех или иных принципов декларации в части, относящейся непосредственно к интересам данных групп.

Социальный подкуп является частично рефлексивной формой общественного консенсуса, в силу того, что полностью отдает себе отчет в происходящем только одна сторона этих отношений – правящая элита. Социальный подкуп как сегмент общего консенсуса всегда увеличивается (или уменьшается) за счет сегмента общественного договора – чем меньше участников последнего, тем больше объектов первого.

Значительный удельный вес практики социального подкупа в современном мире вообще, и в российском обществе – в особенности, обусловлен, помимо прочего, как увеличившейся политической индифферентностью широких слоёв населения, так и расширившимися возможностями воздействия на массовое сознание со стороны правящих групп, в ходе которого культивируются «нужное» гражданское самосознание (в меньшей степени) и «нужные» потребительские ориентации и устремления (в большей степени), являющиеся неотъемлемым элементом как идеологии, так и практики консьюмеристского общества.

Как доказывает диссертант, кроме стимуляции потребительской активности, в качестве средства социального подкупа выступает «стабилизация» – активно пропагандируемое состояние общества, характеризующееся относительной упорядоченностью и такой же предсказуемостью положения дел в экономической и политической сферах, встреченное общественным сознанием и массовой психологией населения нашей страны в значительной степени благосклонно. Последнему обстоятельству, по мнению диссертанта, немало способствовал факт перманентного реформирования отечественного социума на протяжении более чем двух последних десятилетий. Человек просто не может жить в эпоху нескончаемых перемен. Естественным образом и индивид и группа и общество в целом стремятся к некой определенности и долгожданной предсказуемости

В современном российском обществе символическая природа общественного консенсуса максимально редуцирована за счет его утилитарной природы, актуализирующей сегменты узкого социального контракта и широкого социального подкупа, обходящихся без санкции нормативно-ценностного, символического комплекса. Эта ситуация может быть определена как институциональная ловушка коммодификации социального консенсуса.

Выход из сложившейся ситуации, по мнению диссертанта, возможен за счет расширения сегмента общества, вступающего в социальные договоренности с правящей элитой, и кристаллизации достаточно сложного и ригидного нормативно-ценностного каркаса общества. Данные возможности, однако, проблематизируются по причине специфических интересов правящей в российском обществе элиты, выступающей в качестве социального монополиста в формировании консенсуса, не желающей допускать действительный общественный контроль и, соответственно, инициировать действительный общественный диалог, который только и может привести к реальной социальной солидарности.

В Заключении диссертационного исследования автор подводит итоги работы, обобщает полученные данные, формулирует теоретические и практические выводы и определяет направления дальнейших исследований, связанных с полученными результатами.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора (до 2009 г. фамилия автора звучала как Доброва, изменена на Егорову в связи с замужеством):

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Доброва, Н.В. Проблема социального согласия в социокультурном аспекте / Н.В. Доброва // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Философия, социология, политология, культурология». – 2009. – № 6. – 0,2 п.л.

Публикации в сборниках научных трудов:

2. Доброва, Н.В. Правящая элита в оппозициях интересов / Н.В. Доброва // Российское общество в диалектике социальных антиномий. Сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2008. – 0,8 п.л.
3. Егорова, Н.В. Социальный консенсус в контексте легитимности властных субъектов / Н.В. Егорова // Развитие социальных систем как проблема управления. Сборник научных трудов. – Иркутск: ИГУ, 2009. – 0,3 п.л.

Публикации в сборниках материалов научных конференций:

4. Доброва, Н.В. Легитимность властных субъектов сегодняшней России в контексте проблематики социальной солидарности / Н.В. Доброва, М.К. Зверев // STUDIUM – IX. Российский социум в перспективах и противоречиях развития. Сборник материалов ежегодной научно-практической конференции. – Иркутск: ИГУ, 2008. – 0,5 п.л.
5. Доброва, Н.В. Социальный консенсус как социокультурная проблема / Н.В. Доброва, М.К. Зверев // Социокультурные процессы Сибири. Доклады второй региональной научно-практической конференции. – Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. – 0,3 п.л.
6. Доброва, Н.В. Социальное согласие как проблема безопасности: социокультурный аспект / Н.В. Доброва, М.К. Зверев // Философия, социология, право в системе обеспечения социальной безопасности региона: классические, неклассические подходы. Материалы научно-практической конференции. – Красноярск: СЮИ, 2008. – 0,3 п.л.
7. Егорова, Н.В. Власть и социальный консенсус: российская специфика / Н.В. Егорова // «Традиция. Духовность. Правопорядок». Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Тюмень: ТЮИ МВД РФ, 2009. – 0,3 п.л.